

Вриѣ Гáлeцкiй

С Т Е Х О Т В О Р Е Н И Я

1968 - 1978

ПРОСПЕКТ

фрагмент романа

...На основании тех же суждений
Навский Проспект есть Петербург-
ский проспект...

Андрей Белый

. . .
...наполн, утоли мою душу свинцовой Невой,
наполн до бессмятства временем медным...
Голоса: тени судеб минувших — сриваясь на вой,
возвращают навек к непутевой расплате посмертной.

И горячие руки текут по губам моим — в ночь,
по губам, пьяным жадор жадных /и жгучих! / цветаний.
Вознесенный до вечности, город — как нож,
— потеряй меня, путь затуманив метелью.

Навсегда нам постелены строгие в цинке снега.
А в чаду петроградских разболтанных маршей —
мишуре заводной — прозвенит золотая строка:
и никто обо мне тебе более не скажет.

Утоли, Ленинград, мертвым гулом свинцовой Невы.
Не запомнит живыми на счастье, но после —
из развалин цветочком слепым отзовись...

После памяти павших как облако белое поле.

.....
имена над Невой.
Голоса.
Тени — судеб минувших
.....

...но от яви проснувшийся разве что эхо услышит...

Град Петров восстает равнодушным ликом
итальянских скворечен,
в столетия швырнувших
безрассудство царька.
Неразумного варвара слава
вырастает из иглистого воля болота.

Фаталист, неврастеник. Заговорщицкий плотик —
оплотик,
словно за декабристские ятушки — возносит на плаху.
Петроградская ночь
свое злое вино допивает.
Но убийством грозящий —
на званную гибель —
и порвались бы вены давно да не рвутся, тугие...
А на ветхом помосте, визжа, зазывая,
как мазки по холсту,
на мостке бесы скачут.

Гаскидав фонари над проспектом, уродец сбивался
/...а извозчик пытал глаз золу, унаваля.../
Петербург. Достоевский.
А ты, петербуржец незрячий,
слушай ночь — нож
свую тоску подноротен...

Властолюбец. Палац. Сластолюбец. Мертвец. Алкоголик.
Что правыша больнои красоты твоей, город пророков
и убийц, и возбесившихся...
...о! бесноватые кони...

Дрожки времени Клодтом над жизнью — итогом:
приподняв воротник, за прощанье вдыхая — судьбу ли?
будто прежних любовей своих светляки...
До побудки.

— Подающих прощание губ мне.
И — трогай!

Беси пляшут по нервам, как бритва над веной.
Венский вальс переулком дрожит, раздражая...
Далекий.
Но четверка коней тебе добрия — в недолгой дороге.
Приподняв воротник, соучастник забав. Современник.
Безвременничек /...трогай, извозчик.../ Свидетель спокойный
Разлетелись полозья — по снегу — по ветру, по следу

песня стая в погоне, но кто нас догонит над Летою...
И бегут зарываясь во тьму бесноватые Клодтови кони.

. . .

По проспекту подковы, как струны — бубенчики века,
Колокольчики дней и звонков телефонных желанных.
Перезвон заливается: колокол — с колоколами.
Как тебе без него дораста до рассвета?..
И квадрига коней Клодта, легких — к недолгой дороге.
Так слезятся /метелью и звездами/ небо и губы! А город
Волчьим лаем проводит — прощайте! ослепшая свора.
— Подающих прощания глаз, ради Бога!
А во рту точно горечь от скачки, но — горечи горечь.
И будильники глухо трещат спозаранку
По проспекту, над веком — и кто нас догонит...
Россиянин. Сын. Пасынок твой. Будей. Иностранец.
Беси сплещут по нервам, а бритва по венам.
На в полночном чаду петербургских агоний —
Над мостом, над проспектом, над веком и Веной —
Не забыть бы мне только, как бегутся Клодтови кони.
Никого с нами не было, как на души, ни любви.
Беси пляшут на Невском в грязи, во крови ли...
Вскачь по белому полю — над тусклым заливом,
Как от ласковой пули. По белому — белому полю.

Воспоминание о зеркале.

И Н Т Е Р И Е Ц Ц О

с пленительного гибкого листа
слетает листья позднего Иосифа,
прохладой пахнувшие, таинством — и пеной
с открытых уст произвольно летя:

"что ждет нас — что,

какая красота,

расплавленные временем созвездья,
фантазмагорий маски или плесень?—
/петрополь расцветает на костях/

что ждет нас — там,

какие берега?

какие небеса прищотом станут
для глаз усталых, нищих душ туманных,
для пальцев, высекших гранитные века?..

что ждет нас — что

за неземные сны?..

...и перуса отчеркивает: слепо —
между хрусталика кристалльным слепком
в желтой чахотке больниц."

Из цикла "Семь сентябрей" /
/1972-1978/

Причуды осени — в ее просторном храме,
Пока сентябрь безумствует во мне,
Покуда здесь, с собой наедине —
И сад лениво льнет к губам устами,
пей отражение, свет глаз Его осенних...

Примети осени дарю тебе в наследство.
В предметах осени есть странная тоска.
И тускло смотрит зеркало: о! как
Слетает вниз — и гибнет лист последний.

Как мысль спокойная о Воскресении...

. . .

В готической архитектуре сада
плечут барокко ветви...

Умирай же.

И тлеет сад. Забытые деревья,
ожженные не осенью, но снами
снов, принесенными из подземелий.

Сад умирает. Но бесконечно ветви
тянулись вверх и угасали в небе.
Элегия бушующих предсмертий...
Обугленное временем пространство
незримо возносящегося сада —
в мгновении не находя себя,
ты здесь один.

Тоска твоя светла.

И неведомое небо — над тобой.

. . .

повсюду сентябрь. осторожны деревья во сне.
ритм сна баркаролу легкую напоминает —
и журчит апельсиновая листва, а за ней
нету музыки — наяву — петроградского рая.

повсюду сентябрь собирает осколки своих витражей.
уже в этот сентябрь не вернемся, как: никогда не вернемся.
будто что-то осталось: дикий лист затерялся в душе,
но и он, если вспомнится—

сном или просто забвением новым.

. . .

. . .

Больные листья новых сентябрей,
Звени во сне своем, напоминают звуки
Знакомой музыки — не отгадать какой.
Далекую не различить, но: слышать.

Что может знать не знавший любви!..
Перевозу души крошечный попут.
Горящий сумрак жесткий гасит дождь.
Туманные деревья Сад танцуют.

Выводит небо осень по воде.
Как на холсте, Нева выводит небо.
Передо мной графика города. На ней:
Иду, и дождь выстукивая тростью.

. . .

РОЖДЕСТВО

Цветут уста Мадонн. Младенцы все похожи на младенцев. В яс-
ли
глядит звезда, рассеивая свет, далекий так, что-дожаря-
гаснет.

Волхвы безмолвствуют. Дары лежат. В телка сладко тельце
лизет.

Везде земля, как поцелуй, свежа и, принимая поцелуй, — Он
дышит,

еще не ведая, что будет — и далекой той тоски не зная Геф-
симанской...

Язык коровий мягко и тепло скользит. Глаза Господни
ясны.

—————

Вячеславу Велкову

1.

ОН шел, помахивая тростью,
по набережной. В небе был
заблудший вечер - ночь. Раскосый
снег - лавань жалея у могил.

2.

Вокруг плыла тоска и пакость.
Лил снег. Повсюду дождь лежал.
Дворец Кшесинской тьмой плакал.
Царил прозрачный карнавал.

3.

О балаган слепых эмоций!
когда в слезах твоих скорбей -
из неб подплясывает Моцарт,
себя танцует воробей.

4.

Безумец скачет по канату.
Дождь дирижирует дождем.
И плещет в мокром Петрограде
дерев пространство голышом.

5.

ОН шел, помахивая тростью,
по набережной - никуда.
ОН был задумчив и серьезен,
как рядом невиская вода.

6.

Пред НИМ Ничто ничем маячит.
Сосредоточенно зато
гуляют, как судьба — угромо,
за ним два штатные пальто.

7.

И по петровскому пейзажу
бежит мужик, как ветер пьян,
преследуя нагую бабу,
осенним влатом осиян.

8.

А та уж ждет, когда поймает
ее и предадут любви.
Мужик, в ногах своих теряясь,
ее глазами предал.

9.

И лег как лист на мостовую.
К нему тотчас же — экипаж,
приветливые двери настезь —
а тело в омут погрузил.

10.

Великолепным бронтазавром
самец — любовник и герой,
величественный некто в черном
как танк уверенно ползет...

11.

...Он шел один. И снова снова
в печальной извести ночи,
как звуки спелые Михнова —
листва вальсирует над ним.

12.

Корявый дождь мажор фальшивит.
 - Скорей бежать, скорей - за ней -
 по шахматным гранитам жизни,
 где скрипка вечная скрипит.

13.

Там, за Невой - в пламя сада
 бежать за ней, как за собой -
 сквозь желтый сумрак Ленинграда
 - туда, где только ты один.

14.

Где полихвост сад, где только
 тебе бродить среди деревьев,
 туда-туда-туда - ты знаешь,
 где край с лилиями в цвету.

15.

Своем он трубку набивает,
 снимает бледное лицо
 и мнет в руках его. Над ним
 висит Нева как скучный сон.

.....

Стоял как мятник остывший
 он и зурял, о чем-то мысля,
 должно быть, ни о чем, должно быть,
 о том, что нету ничего.

.....

.....

Там - воды черные. По водам
 в печаль в печали удалилась
 его душа

- и все не сбылось.

И двое в штатском обзавели
следами, как легко легко
душа по водам шла.

Сокрылась.

1-2-3/X1, 1978, СПБ